

Новые Известия - 200 г. - 27 февр. - с. 7. Дмитрий Смолев, для «Новых Известий»

Певец уюта и отец поэта

Третьяковка показывает выставку «Леонид Пастернак в России и Германии»

Имя Леонида Осиповича Пастернака говорит широкой публике, пожалуй, меньше, чем имя его сына Бориса, но не до такой степени, чтобы именовать художника «малоизвестным», как это случилось на вернисаже. Лет тридцать назад были сняты прежние полузапреты, и произведения этого автора заняли место в советских музейных экспозициях, а репродукции — в альбомах. Правда, он никогда не числился среди гениев русского искусства, но считать ли этот факт следствием идеологических установок и предвзятого отношения в связи с эмиграцией... Не ввязываясь в дискуссию о роли и значении, безусловно, следует признать Леонида Пастернака достойным и интересным художником, а его выставку — заметным событием.

Трудно сказать, насколько нынешняя персоналка отличается от той, что проходила здесь же, в Третьяковке, 22 года назад. Даже если бы и повторяла полностью, вряд ли кто-нибудь стал сетовать. Сейчас в экспозиции больше сотни работ из музейных и частных собраний Москвы, Веймара, Марбаха и Оксфорда. Ранних, еще в передвижнической манере, вещей здесь немного; характерный образец — картина «Вести с родины», приобретенная когда-то Павлом Третьяковым. Постепенно Леонид Пастернак придвигался к эстетике «Мира искусства», но никогда не считался в этом обществе до конца своим. Верность натурному рисованию и особая любовь к домашним сюжетам заставляли многих современников сомневаться в его способности произвести что-нибудь значительное. Сейчас понятно, что камерность и задушевность были не просто кредо, а глубинным свойством натуры, истинным лицом. Бесконечные интерьеры, фортепианные уроки, питье

«Поздравление». 1914 г.

чая за самоваром — сплошная «Россия, которую мы потеряли». Даже крупные холсты чаще всего исповедуют те же семейные ценности. Двухметровое «Поздравление» запечатлело благоговейную юную компанию: Борис со стихами, Жозефина с цветами и т.д. — дети пришли восхититься родителями по случаю их серебряной свадьбы. И этому пафосу доверяешь, поскольку Леонид Пастернак — художник трогательный, но не слащавый.

В залах Инженерного корпуса преобладает графика, и это экспозиционное решение кажется очень верным. Пастернак замечателен в первую очередь как рисовальщик, его угли и пастели безошибочно у-

наваемы. Разлитая в работах лирическая созерцательность лучше всяких слов объясняет, почему Леонид Осипович не признавал левых течений в искусстве (их засилье в раннесоветском искусстве стало одной из причин, по которым художник в 1921 году оказался в Берлине). Он мечтал скрестить в своем творчестве итальянское начало с рембрандтовским и скептически относился к «разным Пикасам», однако его приверженность классическим принципам не помешала нацистским властям в середине 30-х признать это искусство «дегенеративным». В числе других художников неарийского происхождения он удостоился запрета на профессиональную деятель-

ность, и всерьез задумывался о возвращении на родину. В 1938 году упакованные произведения лежали в советском представительстве в Берлине — но в итоге с частью семьи Леонид Пастернак оказался в Англии. Дни его закончились в Оксфорде, в мае 1945-го...

Кроме интерьеров и домашних сцен, Пастернак всю жизнь специализировался на портретах. Особый период был посвящен Льву Толстому — гений за книгой, гений в раздумьи, гений на прогулке. (К слову, экспонируемые иллюстрации Пастернака к роману «Воскресенье» кажутся не слишком удачными, но лишь потому, что мы успели отвыкнуть от протокольного способа иллюстрирования.) Хватает на выставке и других знаменитостей — Максим Горький, Сергей Рахманинов, Райнер Мария Рильке, Альберт Эйнштейн... Здесь уместно вернуться к заглавию выставки. Связи Пастернака с Германией были не просто тесными — по сути, это его вторая родина. После учебы в Мюнхенской Королевской академии он часто приезжал сюда в длительные творческие командировки (в экспозицию включена очень красивая пейзажная серия «Остров Рюген»), а эмигрантские годы, если и не были самыми счастливыми, оказались все же творчески плодотворными.

Сейчас наследие и архивы художника расплывлены между несколькими странами. Семейная мечта, озвученная на открытии внуком, Евгением Борисовичем Пастернаком, об открытии в Москве дома-музея или хотя бы постоянной экспозиции не выглядит нереальной, но искусственная концентрация работ художника в одном месте — не всегда благо. Чем автор интереснее, тем шире круги по свету. И если доходит дело до сборной выставки, значит, он по-прежнему востребован.